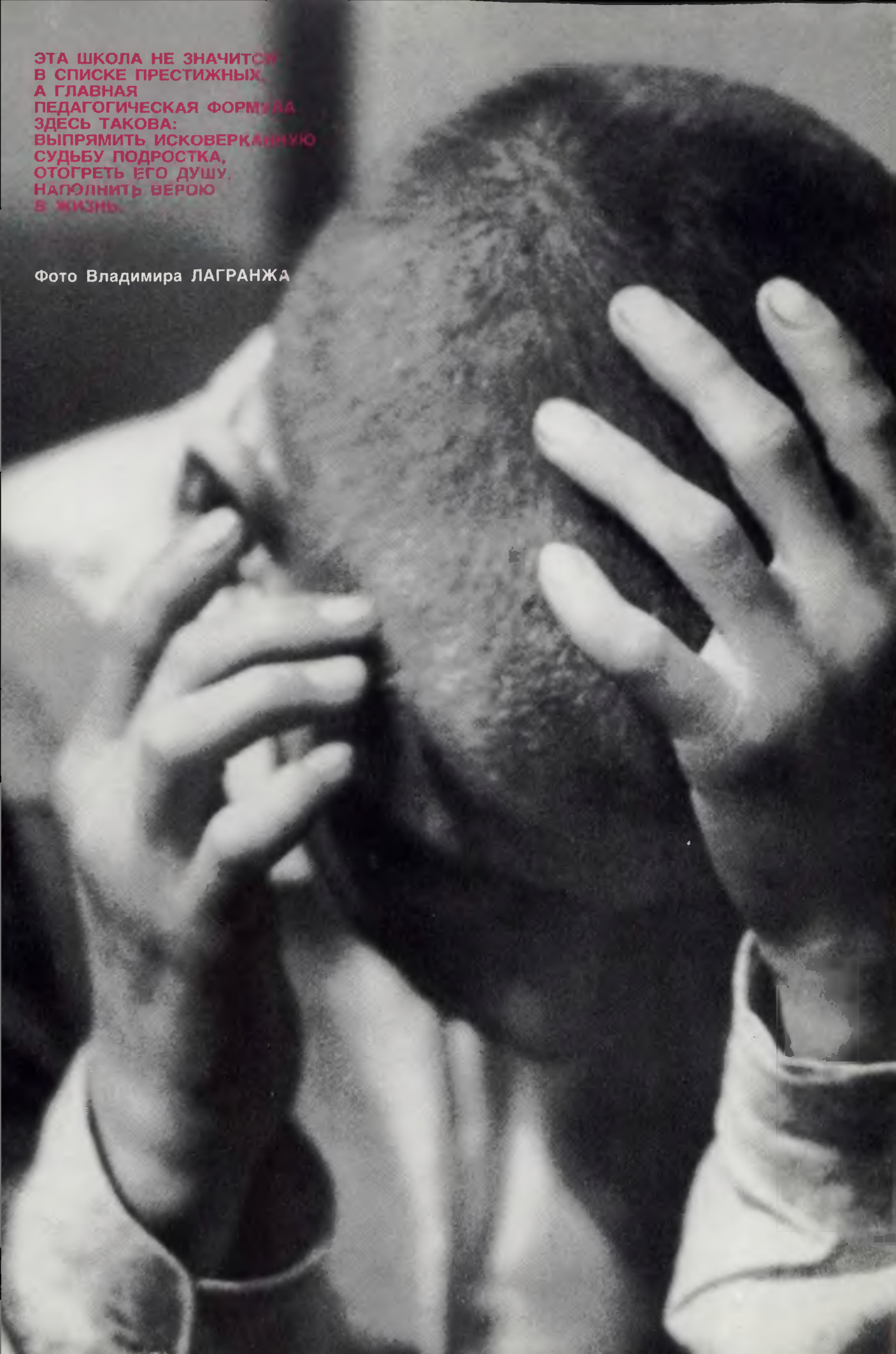
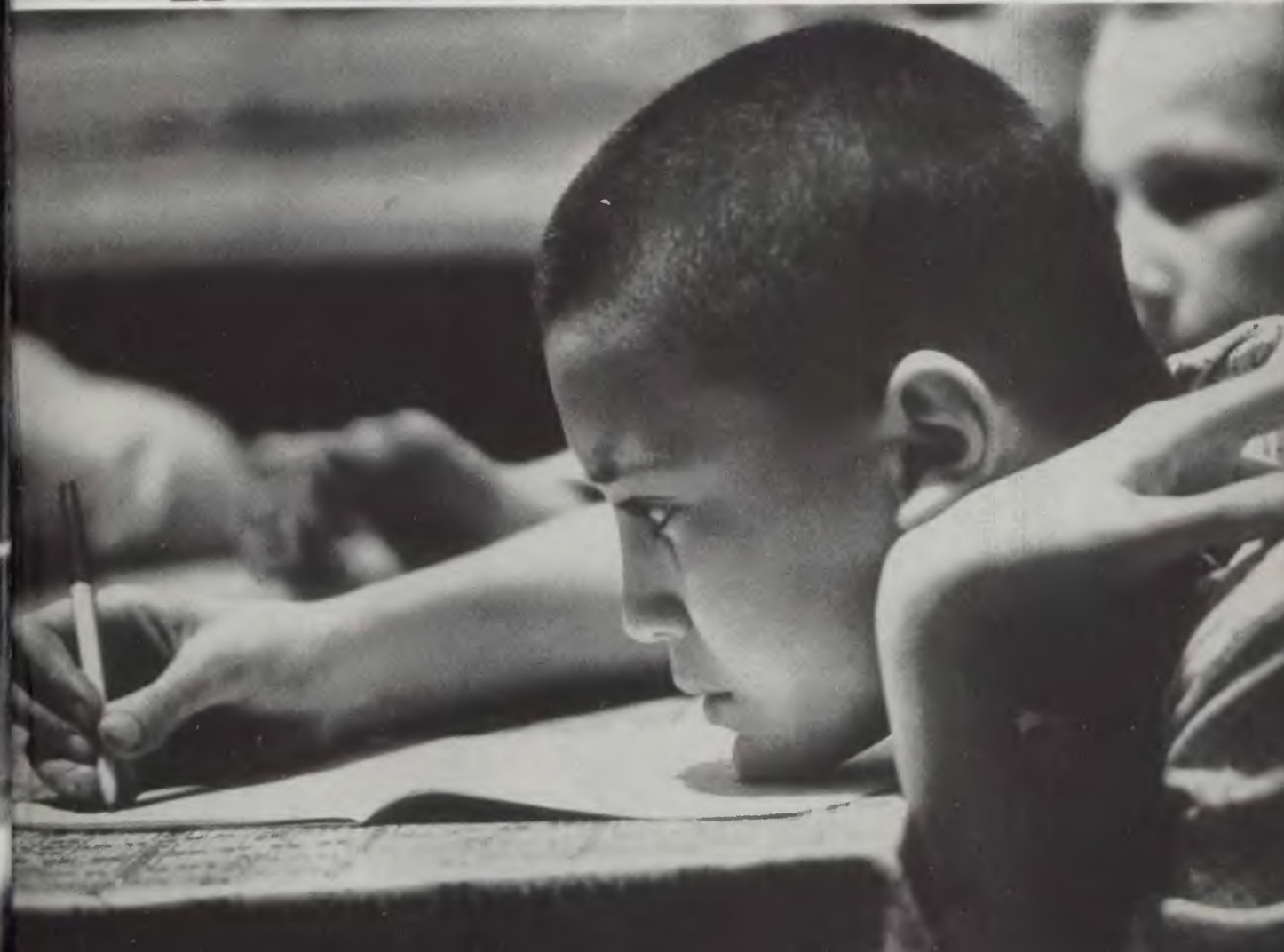
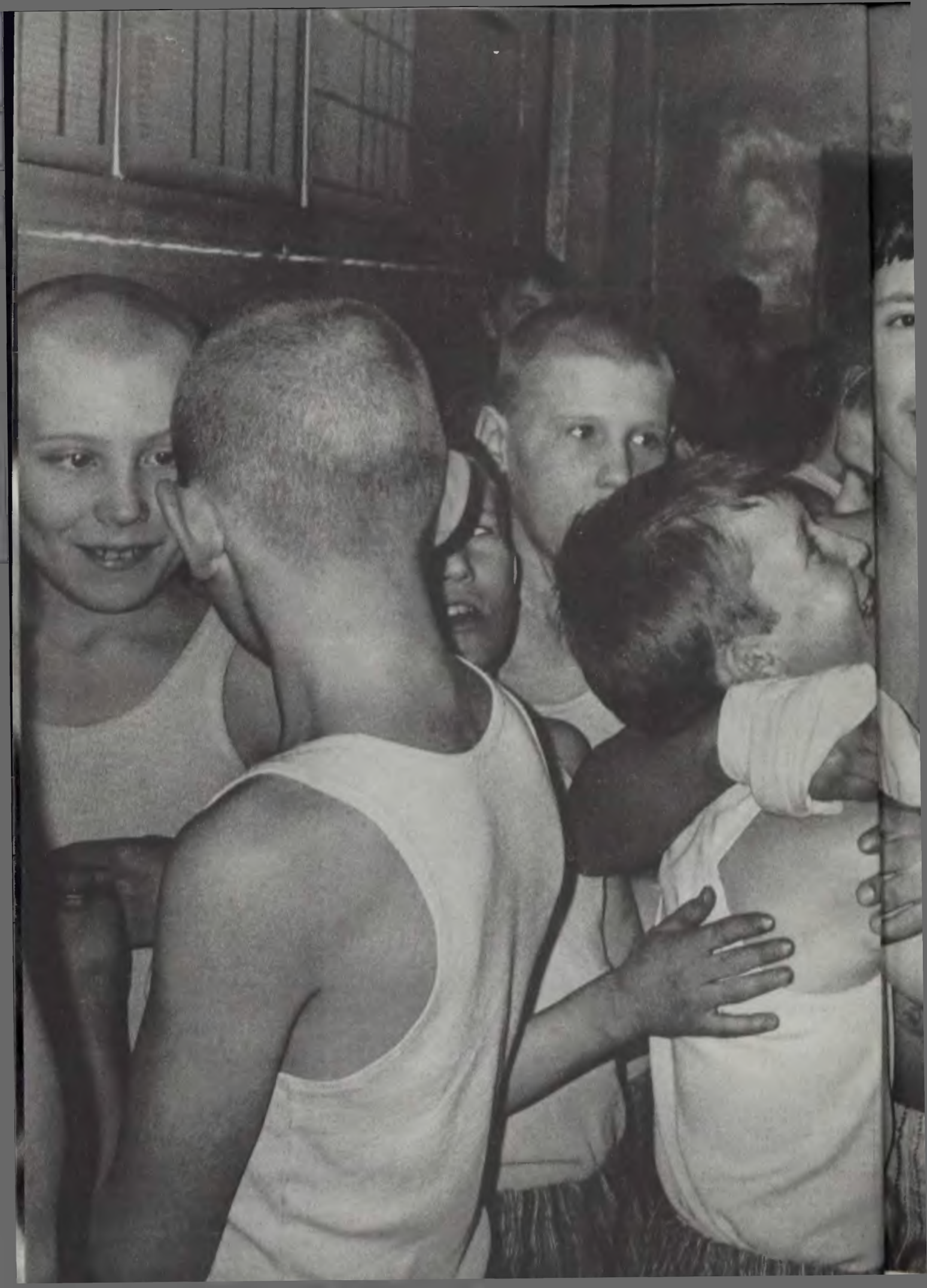

ЭТА ШКОЛА НЕ ЗНАЧИТСЯ
В СПИСКЕ ПРЕСТИЖНЫХ,
А ГЛАВНАЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА
ЗДЕСЬ ТАКОВА:
ВЫПРЯМИТЬ ИСКОВЕРКАННУЮ
СУДЬБУ ПОДРОСТКА,
ОТОГРЕТЬ ЕГО ДУШУ,
НАПОЛНИТЬ ВЕРОЮ
В ЖИЗНЬ.

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Уральский городок Очёр в анналах советской педагогики имеет право занять такое же славное место, как и макаренковский Куряж. Он заслужил его благодаря двадцатилетнему труду Георгия Павловича Сологуба и его ближайших коллег, среди которых и жена Анна Максимовна.

В Очёре находится спецшкола. Точное название — «Специальная школа для детей и подростков, нуждающихся в особых условиях воспитания». Не по доброй воле попадают в нее 11—12-летние мальчишки.

Просматривая личные дела воспитанников, то и дело наталкиваешься на фразы: «мать воспитанием не занималась», «во втором классе учился три года», «за весь учебный год посетил 8 уроков». И далее: «проник в кладовку», «угнал машину», «постоянно находился в бвгах», «усматривается состав преступления». И наконец: «учитывая, что подросток не достиг возраста...»

Да, народица тут тертый. В двенадцать лет мальчик может не знать таблицы умножения, но повидал такое! Курс наук проходили в уличных компаниях. Курили — все. Многие пили...

Я сказал «курипи» в прошедшем времени — это не оговорка. В очёрской школе не курят. И не потому, что за забором непросто разжиться куревом (это не проблема!). И не потому, что боятся вказаний (о них чуть позже). А потому, что тут такой порядок, принятый самими ребятами. Они же и следят, чтобы он не нарушался.

Школа как школа. Классы, уроки (кстати, на хорошем уровне: после Очёра многие учатся в обычных школах без троек). На спортплощадке играют в футбол, зимой — в хоккей. Большой земельный участок: в саду, в огороде, на поле трудятся ребята (овощи и ягоды — свои, вполне хватает). Хороши мастерские, полтора десятка станков — настоящая мини-завод; делают детали бензопил и мясорубок для одного из пермских предприятий. Не игра в труд — все всерьез; при выпуске из школы (то есть в 15-летнем возрасте) часть заработка парень получит в свои руки, а в квермане будут лежать удостоверение токаря и документ об окончании восьмилетки.

Все как в школе. Но — на особицу. В классе — тишина. Тема сочинения — «Почему нельзя воровать». Или сочинение о маме (культ матери стараются поддерживать): кто-то пишет о сестре, а кто-то о школьной воспитательнице, она самая близкая мальчишке женщина. Особая здесь прежде всего сама педагогика, ведь эти свихнувшиеся, нестандартные, несчастные, одинокие, озлобленные люди — дети. «Во всяком случае, — я цитирую Сологуба, — заслуживающие нашей любви и участия, как любой человек».

О демократической «педагогике сотрудничества» много нынче говорится, но во многих ли наших школах она пробилась? А в Очёре это один из основополагающих принципов. Здесь считают: если не можешь почувствовать себя способным уважать воспитанника, то в педагоги не годишься.

И не для проформы существует здесь ребячье самоуправление. Не парадокс ли в таком-то месте?

В соловуговской системе особое место занимает соревнование. Как не похоже оно тут на знакомую по многим школам формалистику! Ежедневно активисты (это и дети, и взрослые) оценивают по пятибалльной системе поведение каждого — на уроках, в мастерских, в быту, везде. Проштрафился — снижают оценку, а она идет в общий зачет твоему отряду. Призы: лучший отряд пойдёт в кино, а летом, на каникулах, — на рыбалку.

В очёрской школе высок уровень открытости. Говоря проще, действует правило: не держать камня за пазухой, хочешь на кого-то пожаловаться — только в открытую, не за спиной. Есть бланки для рапортчиков: пишешь, отдаешь дежурному по режиму, не опасаясь ничего и никого. Вечером взрослый арбитр — часто Анна Максимовна, она заместитель директора по воспитанию, — разберется в присутствии всех сторон. По справедливости. И ни для кого: ни для активистов, ни для командиров — не будет послаблений. Виновного запишут «на пост» (то есть на мытье полов). При мне пришел парнишка и сам попросил записать его. Спросили, за что. Ответил: «Есть за что». Все равно тайнов не останется скрытым.

Эта открытость взаимоотношений очень важна звено в очёрской системе. Не знаю, употребимо ли здесь слово «гласность», но, по сути дела, речь идет именно о ней.

Но вот вопрос: наказание трудом, педагогично ли? Сологуб улыбнулся: это же игра в наказание. На самые трудные работы (например, в котельной уголь первлопатить) принято приглашать добровольцев, и отбою от желающих нет. Вообще всякое трудное дело подойдет мужчине, в таких понятиях здесь воспитывают парней. А нужный коллективу труд, даже если это наряд вне очереди, не унижает человека.

Ученики ведут дневники: навык самоанализа — то, чего так не хватает современным воспитанникам. Педагоги заглядывают в тетрадки, заносят туда свои реплики, советы, получаются еще и письменный диалог.

Вот пишет кто-то из младших, шестиклассников: «Я не уверен в себе, бывают срывы... День прожил плохо: снизили оценки за спячку, за столовую, за быт... Цель на завтра — не ругаться и не кричать...» А это восьмиклассник: «Стараться на уроках не списывать... Сдвинул 324 детали, отметили на «красной доске». Первую четверть окончил без двоек, но тройку по химии влез-влез втянули... Цель — не «подкусывать» командиров... С целью справился... За доклад по литературе — «5», по химии — «4». В библиотеке прочитал первую главу «Евгения Онегина». Цель — стараться быть серьезным».

Эта запись прерывается вопросом воспитательницы: «Андрей, с какого момента ты стал врать нам?» «Если честно, — ответил парнишка, — только в 7-м классе, когда больше узнал вас. Теперь мои взгляды на жизнь совсем другие».